

райский
сад

18+

первой
любви

ЛИНЬ
ИХАНЬ

Есть смысл

Линь Ихань

Райский сад первой любви

«ВЕБКНИГА»

2017

Ихань Л.

Райский сад первой любви / Л. Ихань — «ВЕБКНИГА»,
2017 — (Есть смысл)

ISBN 978-5-6046470-0-4

Фан Сыци двенадцать лет. Девушка только что окончила младшую школу, и самый любимый предмет у нее литература. А еще у Сыци есть лучшая подруга Лю Итин, которую она посвящает во все тайны. Но однажды Сыци знакомится с учителем словесности Ли Гохуа. Он предлагает девушке помочь с домашним заданием, и та соглашается. На самом деле Ли Гохуа использует Фан Сыци в личных целях: насилует ее, вовлекает в любовные утехи. Год за годом, несколько раз в неделю, пока девушка не попадает в психиатрическую больницу. И пока Лю Итин случайно не находит дневник подруги и ужасающая тайна не обрушивается на нее. Это поэтичный роман-исповедь о нездоровых отношениях и о зле, которое очаровывает и сбивает, прикидываясь любовью. На русском языке публикуется впервые.

ISBN 978-5-6046470-0-4

© Ихань Л., 2017

© ВЕБКНИГА, 2017

Содержание

Рай	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Линь Ихань

Райский сад первой любви

(FANG SI-QI'S FIRST LOVE PARADISE)

Издано с разрешения Guerrilla Publishing Co., Ltd. при содействии BARDON-CHINESE MEDIA AGENCY

Перевод с китайского *Натальи Власовой*

Дизайн и обложка *Натальи Агаповой*

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

FANG SI-QI'S FIRST LOVE PARADISE by Lin Yi-Han

Copyright © 2017 by Lin Yi-Han

Published by arrangement with Guerrilla Publishing Co., Ltd. through Bardon-Chinese Media Agency.

Russian translation copyright © 2021 by Charitable Foundation supporting socially disadvantaged persons "Help Needed"

ALL RIGHTS RESERVED

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. БФ «Нужна помощь», 2021

* * *

Рай

Лю Итин знала: самое большое преимущество быть ребенком – в том, что ее слова никто не воспримет всерьез. Можно хвастаться, нарушать обещания и даже врать. Это своего рода инстинктивная самозащита взрослых: дети частенько говорят ослепительную правду, поэтому взрослые утешают себя лишь одним: да что они понимают? Потом, испытав разочарование в жизни, дети из правдорубов вырастают в подростков, которые выбирают, говорить правду или нет, и в условиях словесной демократии становятся взрослыми.

Лю Итин отругали за слова только один раз, в ресторане в многоэтажке. Когда взрослые собираются вместе, то всегда заказывают редкие и унылые блюда. Морской огурец лежал на белой фарфоровой тарелке, как дерьмо на дне унитаза, натертом до блеска Аной. Лю Итин всосала морской огурец между зубами, потом выплюнула обратно на тарелку и заржала так, что начала икать и никак не могла остановиться. Мама спросила, над чем она смеется. Лю Итин ответила, что это секрет. Мама на повышенных тонах повторила вопрос, и она ответила: «Похоже на минет»¹.

Мама ужасно рассердилась и наказала выйти из-за стола. Фан Сыци вызвалась составить ей компанию. Тон матери Лю Итин смягчился, и она учтиво заворковала с мамой Фан Сыци. Но Лю Итин знала, что восклицание «Ах, какая у вас паинька-дочка!» даже за присказку не считается.

Две семьи жили на одном этаже. Итин частенько прямо в пижаме и тапочках стучалась в двери Фанов.

Мама Фан Сыци всегда с радостью ее встречала, независимо от того, держала ли Лю Итин в руке фастфуд или тетрадку с домашним заданием, и улыбалась так, будто это их родная, давно потерянная блудная дочь. Можно было весь вечер развлекаться хоть с листочком туалетной бумаги. Когда стоишь на пороге взросления, то разрешено без стеснения возиться в присутствии других с плюшевыми игрушками и не нужно притворяться, что из игр одобряешь только покер и шахматы.

Подруги стояли перед панорамным окном многоэтажки. Фан Сыци одними губами спросила: «Зачем ты сейчас так сказала?» Лю Итин одними губами ответила: «Это умнее, чем сказать при родителях слово “дерьмо”».

У Лю Итин уйдет много лет, чтобы понять: произносить слова, которые сама не понимаешь, так же преступно, как признаваться в любви, если в твоём сердце нет никаких чувств. Сыци фыркнула и сказала: «Смотри, сколько кораблей там, внизу, входят в порт Гаосюн!»² Каждое огромное, словно кит, грузовое судно сопровождалось мелким, будто креветка, лоцманским суденышком. Множество больших и маленьких кораблей поднимали волны в виде буквы V, отчего бухта напоминала синюю рубашку, по которой водят туда-сюда утюгом. На какое-то время девочки дружно приуныли, но ведь быть неразлучной парой – безграничная добродетель.

Взрослые велели им вернуться за стол и съесть десерт. Сыци сунула Итин карамельную фигурку, напоминавшую флажок, со своей порции мороженого, но Итин отказалась, процедив: «Не надо мне скармливать то, что сама не хочешь». Сыци тоже рассердилась, надула губы: «Ты же отлично знаешь, что я люблю солодовые леденцы!» Итин сказала: «Тогда тем более не буду!» От тепла тела леденец потихоньку подтаял и прилип к коже, Сыци начала есть прямо с пальцев. Итин фыркнула, а потом одними губами произнесла: «Фу, некрасиво». Сыци хотела

---

¹ Прямая речь оформлена с сохранением авторской пунктуации (с кавычками и без них), чтобы у читателей возникало ощущение, будто перед ними дневник героини. *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Огромный портовый город на юге Тайваня, известный своими многочисленными небоскребами.

было сказать «сама такая», но сглотнула слова с кончика языка вместе с леденцом, потому что в отношении Итин они прозвучали бы как настоящее оскорбление. Итин тут же это почувствовала, и улыбка стерлась с ее лица. Скатерть на столе между ними внезапно превратилась в пустыню, и целая толпа незнакомых пигмеев, выстроившись в круг, беззвучно пела и плясала на ней.

Дедушка Цянь спросил: «Пара красоточек о чем-то тайно мечтают?» Итин ненавидела, когда их называли «парой красоточек», ей претила такая арифметическая доброжелательность. Бабушка У проворчала: «У нынешних детей прямо с рождения начинается половое созревание». Тетушка Чэнь сказала: «Просто мы уже на пороге климакса». Учитель Ли добавил: «Они не такие, как мы в их годы, у нас даже юношеских прыщей не было!» Все присутствовавшие рассмеялись, и хохот забарабанил по столу. Эти разговоры об утраченной молодости напоминали хоровод, однако танцующие не включали девочек в свой круг: наиболее крепкий круг на самом деле чаще других оттесняет чужаков. Хотя впоследствии Лю Итин осознала, что теряли молодость вовсе не те взрослые, а они.

На следующий день их с Сыци дружба снова склеится, словно солодовый леденец в банке, и так будет во веки веков.

Однажды весной жители многоэтажки обратились в местком, и несколько человек спонсировали раздачу клецок бездомным по случаю Праздника фонарей³. Даже в районе школы их многоэтажка очень бросалась в глаза: если едешь мимо на велосипеде, то возникает ощущение, что это не велосипед движется, а мимо пробегает ряд колонн в греческом стиле. Одноклассники раньше посмеивались за спиной Лю Итин: «Дворец в Гаосюне!» А в ее душе словно выла от тоски под дождем собака. Лю Итин думала: «Да что вы понимаете! Это мой дом!» Но с тех пор она носила школьную форму даже в те дни, когда разрешалось приходить в повседневной одежде, и надевала кроссовки, даже когда не было уроков физкультуры, досадуя, что ступня растет с такой скоростью, словно обновляется.

Несколько мамаш собрались вместе и обсуждали мероприятие по раздаче клецок, и тут вдруг бабушка У заявила: «Праздник фонарей как раз выпадает на выходные, пусть дети подключатся». Мамаша одобрили, мол, детям пора учиться гуманности. Итин услышала это и заледенела изнутри, затем словно бы кто-то сунул руку ей в нутро и чиркнул спичкой, и оказалось, что на стенках ее души выгравированы стихи. Она не знала, что такое гуманность, и заглянула в словарь: *«Гуманность – милосердие, доброжелательность, сочувствие к нуждающимся. Цзянь Вэнь-ди из династии Лян повелел высечь на каменной стеле: “Гуманность становится источником дао, порождая духовное сознание”»*. Как ни крути, а мамаша говорили не об этом.

С детства Лю Итин ощущала, что самое приятное чувство, какое может пережить человек, – осознание, что твои усилия обязательно будут вознаграждены. А потому радовалась вне зависимости от того, каковы были эти усилия. Она давала списывать домашку и даже сама помогала переписывать, корпела над чужими тетрадками, не требуя ничего взамен. Итин относилась к происходящему философски. Это было не ощущение собственного превосходства из-за того, что она подает милостыню. Ее тетрадка курсировала туда-сюда, домашку перекатывало множество разных рук, у одних иероглифы получались округлыми, словно мыльные пузыри, а у других напоминали комки недоваренной лапши. Когда тетрадка возвращалась к Лю Итин, она всегда воображала, что тетрадка родила множество непохожих друг на дружку ребятишек. Иногда просили списать у Фан Сыци, но та всегда с серьезным видом рекомендовала обра-

---

³ Традиционный праздник, знаменующий окончание торжеств по случаю китайского Нового года, отмечается в пятнадцатый день первого лунного месяца.

титься к Итин: «У нее домашка бывала, по рукам ходит». Подружки обменивались многозначительными взглядами и хихикали, им не нужно было, чтобы кто-то их понимал.

В том году зима задержалась, и на Праздник фонарей еще было холодно. Палатку поставили прямо на улице. Первый школьник наливал соленый суп, второй кидал в него соленые рисовые клецки, третий наливал сладкий суп, а Итин стояла четвертой и отвечала за клецки сладкие. Клецки были пухленькие и податливые: как только всплывут, сразу можно класть в суп. Поверхность супа из красной фасоли, напоминавшая мясистое лицо, искажалась от гнева, когда они на нее падали. Учиться гуманности? Великодушию? Доброте? Сочувствию? Итин, словно в тумане, размышляла об этом, а бездомные тянулись непрерывной чередой. Их лица на ветру выглядели морщинистыми. Первым подошел дед, он носил даже не сказать чтобы одежду – лоскуты ткани трепетали от ветра, словно длинные бумажные полоски с телефоном на рекламном объявлении. Старик подошел к Линь Лан, и его как будто можно было оборвать целиком. Итин подумала: «Эй, какое я право имею с чем-то сравнивать другого человека? Когда дойдет до меня очередь, положу ему три клецки и скажу, мол, дедушка, проходите вон туда и садитесь где хотите. Учитель Ли говорит, что три – нечетное число, хорошее число, а он у нас эрудированный человек».

Людей пришло куда больше, чем Итин ожидала, и ощущение стыда от подачек, которое мучило ее весь предыдущий вечер, потихоньку разбавлялось толпой. Она уже никого ни с чем не сравнивала, просто зачерпывала клецки и здоровалась. Внезапно в начале очереди возник переполох. Оказывается, какой-то дядька спросил, можно ли положить две дополнительные соленые клецки. За раздачу соленых клецок отвечал Сяо Куй, лицо которого словно бы окаменело то ли от холодного ветра, то ли от вопроса. Итин услышала, как Сяо Куй отвечает, что это не ему решать. Бездомный молча двинулся дальше. Его молчание напоминало драгоценный камень, завернутый в только что шуршавший красный шелк, и казалось необычайно тяжелым, давившим на всех. Итин растерялась: она знала, что у нее в запасе еще много клецок, но не хотела выставлять Сяо Куя в дурном свете. Взяв пластиковую плошку, Итин отвлеклась и, только отдавая ее обратно, заметила, что положила на одну клецку больше, подсознательно обсчитавшись. Итин повернулась и увидела, что Сяо Куй пристально смотрит на нее.

А одна тетка вытащила пластиковый пакет, попросила завернуть с собой, сказав, что съест дома. От нее не пахло так, как от предыдущих дядь и тет, словно пострадавших от тайфуна. Когда после тайфуна Итин проезжала по пострадавшему району на поезде, то не знала, смотреть или отводить взгляд, глаза все забыли, но нос-то помнил. Да, от тех дядь и тет пахло как от свиней, валявшихся у ограждения свинарника в желтой жиже. Итин не могла дальше думать об этом. Конкретно у той тетки есть дом, значит, она не бомж. Хватит размышлять.

А другая женщина спросила, не раздадут ли они одежду. Сяо Куй внезапно осмелел и решительно заявил, мол, у нас только суп с клецками. Да, только суп, но мы можем дать вам добавку клецок. Лицо женщины застыло, словно она мысленно прикидывала удельную теплоту от одежды и клецок, но ничего не получалось. Все с тем же застывшим лицом она взяла две большие миски супа и пошла в палатку. Палатка постепенно заполнялась, и человеческие лица краснели от солнечного света, пробивающегося сквозь красный брезент, и от чувства стыда.

Сыци держалась достойно. Она отвечала за рассадку бездомных и уборку мусора. Итин крикнула Сыци, чтобы та ее подменила, сказав, что с самого утра не ходила в туалет и уже невмоготу. Сыци согласилась, но добавила, что Итин потом тоже ее подменит.

Итин прошла два квартала до дома. Потолок в холле первого этажа был высоким, как райские своды. На подходе к туалету она краем глаза увидела жену учителя Ли, которая, сидя на диване, развернутом спинкой к коридору, где располагалась уборная, отчитывала их дочь Сиси. Итин заметила, что перед диваном на низком чайном столике стоит плошка с супом – над красной пластиковой кромкой громоздятся друг на друга клецки. И услышала только, как

Сиси, плача, оправдывается: «Некоторые, хоть и не бездомные, а тоже взяли!» Итин тут же расхотелось по-маленькому.

В туалете она посмотрела на себя в зеркало. Все ее плоское, почти квадратное лицо было густо усыпано веснушками. Сыци каждый раз говорила, что ей не надоедает смотреть на Итин, на что Итин отвечала: «Да ты только и воображаешь, как бы съесть дунбэйскую лепешку»⁴. Зеркало окаймляла золотая барочная рама, и отражение Итин напоминало поясной портрет эпохи барокко. Итин долго пыталась выпятить грудь, но не смогла, а потом словно бы очнулась и принялась умываться. Нехорошо выйдет, если ее тут застукают: девчонка кривляется перед зеркалом, да еще и такая страшненькая. Сколько, кстати, лет Сиси? Вроде бы младше их с Сыци на два-три года. У столь замечательного человека, как учитель Ли, и вдруг такая дочь, как Сиси...

Когда Итин вышла из туалета, матери и дочери уже и след простыл. Плошка с клетками тоже исчезла. Вместо этого над спинкой дивана высились две кудрявые шевелюры – рыжая и седая, – зыбкие, словно облака. Рыжая – наверняка тетушка Чжан с десятого этажа, а вот седая непонятно чья. Совсем как серебро. Неясно, целиком седая или же это вкрапления белого в черный. Белый плюс черный равно серый. Итин обожала арифметику цвета, еще и поэтому у нее всегда плохо получалось играть на пианино. Чем четче в мире разделяются черный и белый, тем больше вероятность допустить ошибку.

Головы опустились, практически скрывшись за диваном-горой, и вдруг раздался резкий звук. Так старый орел кричит, покидая ущелье, и когда раскрывает самодовольно клюв, чтобы издать громкий крик, то роняет свою добычу. «Да вы что?! То есть он молодую жену поколачивает?!» Тетушка Чжан понизила голос: «Говорят, бьет туда, где никто не увидит». Откуда ты знаешь? Так у них работает уборщица, которую я им порекомендовала. Ох уж эта болтливая прислуга. Цянь Шэншэн на побои закрывает глаза? Молодая невестка-то, семье еще и двух лет нет. Да Лао⁵ Цяня заботит только, чтоб в компании все в порядке было.

Итин не могла больше этого выносить, словно били не кого-то, а ее саму. Прикрыв веки, она крадучись вышла на улицу. Ледяной ветер напоминал человека, никогда не верившего в китайскую медицину, который согласился на иглоукалывание и прижигание после того, как разочаровался в западном подходе, и иглами ему истыкали все лицо. Только тут Итин сообразила, почему сестрица Ивэнь носит одежду с длинными рукавами даже в теплые дни. Нельзя показывать не только уже имеющиеся синяки на коже, но и кожу, где вот-вот появятся синяки. Лю Итин почувствовала, что в тот день постарела, время словно разварило ее.

Внезапно в поле зрения появилась Сыци. «Лю Итин, ты же говорила, что меня подменишь. Я тебя не дождалась, пришлось сбежать». Итин извинилась: «Прости. Живот заболел». Она тут же подумала, что это слишком банальная отговорка, и спросила: «А ты тоже в туалет?» Глаза Сыци наполнились слезами. Она одними губами прошептала: «Переодеваться. Не нужно было натягивать новое пальто. По прогнозу погоды, сегодня холодно. Но глядя на то, как одеты бездомные, я почувствовала, что сделала что-то очень дурное». Итин крепко обняла подругу, они сплелись в единое целое. «Старое пальто уже тебе маловато. Это не твоя вина. Дети быстро растут». Девочки засмеялись так, что брызнули слюной и попали друг на друга. Прекрасный Праздник фонарей закончился.

В семье у Цянь Шэншэна водились деньги. Ему было за восемьдесят, и он взлетел, когда экономика Тайваня пошла на подъем. Даже в их многоэтажке есть расслоение по уровню дохода, а имя Цянь Шэншэна слышали все тайванцы. У него очень поздно родился сын Цянь

---

⁴ Традиционные дунбэйские лепешки имеют квадратную форму.

⁵ Это слово указывает на уважаемого, почтенного человека; употребляется перед фамилией, термином родства или обращением.

Ивэй, с которым Лю Итин и Фан Сыци обожали встречаться в лифте и которого называли старшим братом. Обращаясь к нему так, девочки подспудно преследовали две цели. С одной стороны, демонстрировали свое стремление поскорее стать взрослыми, с другой превозносили внешнюю молодость Цянь Ивэя. Итин с Сыци втайне составили рейтинг соседей. Учитель Ли занимал самую верхнюю строчку: глубоко посаженные глаза, брови дугой, на лице налет грусти⁶, вид интеллигентный и глубокомысленный. Второе место досталось братцу Цяню: он обладал редким певучим восточно-американским акцентом, носил очки и был таким высоким, что, казалось, мог рукой дотянуться до неба. Одним людям очки нужны словно только для того, чтобы собирать на линзах пыль и перхоть, а у других серебряная оправка напоминает изгородь, через которую так и подмывает перелезть. Иногда высокий рост производит впечатление, будто люди излишне поторопились вытянуться, но другие высокие – как ветер и тропический лес. Братец Цянь относился к тем самым «другим». Ну а сверстники в их рейтинг не включались. Как можно обсуждать с людьми, читающими детский литературный журнал «Львенок», творчество Пруста?!

Никакой Цянь Ивэй им не старший брат. Ему уже за сорок. Сестрице Ивэнь всего двадцать с хвостиком, и она тоже местная знаменитость. Сюй Ивэнь получала степень по сравнительному литературоведению, но учеба была прервана замужеством, прервана и уничтожена. Ее личико овальной формы напоминает гусиное яйцо⁷, огромные глаза глядят испуганно, а длиннющие ресницы кажутся тяжелыми. А еще у нее высокая переносица, будто кроме английского она в бытность в Штатах переняла у американцев заодно и их нос. Кожа сказочно белая, и под ней проступают синие венки, тоже как в сказке. Еще в юности ее частенько спрашивали, зачем она так намазывает глаза, а ей было неудобно объяснять, что у нее от природы такие ресницы. Итин однажды впиалась взглядом в лицо Фан Сыци и заявила: «Ты похожа на сестрицу Ивэнь. Нет, это она на тебя похожа». Фан Сыци отмахнулась: «Да ладно тебе!» В следующий раз в лифте Сыци внимательно пригляделась к сестрице Ивэнь и впервые обнаружила сходство. У обеих лица как у овец.

У Цянь Ивэя была безупречная биография, да и внешность радовала глаз, а еще он обладал манерами благовоспитанного американца, только без свойственного американцам высокомерия, мол, мы тут мировые жандармы. Но Сюй Ивэнь испугалась: как это такой мужчина не женился до сорока? Цянь Ивэй объяснил ей, что все женщины, которые встречались ему раньше, охотились за его деньгами. В этот раз лучше уж найти девушку, у которой уже есть деньги, а ты самая красивая и добрая из всех женщин, что я встречал на своем жизненном пути, и т. д. и т. п. А дальше он просто копировал и вставлял фразы из всяких трактатов о любви. Ивэнь такое объяснение показалось слишком интуитивным, но не лишенным смысла.

Цянь Ивэй сказал Сюй Ивэнь: ты так красива, что и словами не опишешь. Ивэнь радостно отозвалась, мол, идиома неверна, пусть и лирична, а про себя с улыбкой думала, что она как раз точнее всех самых точных идиом, которые он использовал. Внутренняя улыбка, словно крутой кипяток, по неосторожности брызнула на лицо и тут же испарилась. Сюй Ивэнь потеряла голову, и это серьезная девушка, которая правит чужие тексты! Теперь она напоминала героиню с обложки любовного романа, который можно приобрести в магазинчике по соседству за сорок девять юаней⁸, и буквально светилась от счастья. Она была прекрасна, словно небожительница.

В тот день они снова отправились на свидание в суши-бар. Ивэнь миниатюрная, и аппетит у нее как у птички; только в суши-баре Ивэю доводилось видеть, как она заглатывает пищу

⁶ Отсылка к строке из поэмы «Орел», написанной Сунь Чу, жившим в эпоху Цзинь (265–420 гг.).

⁷ Эталон женской красоты в традиционном Китае.

⁸ Официальной денежной единицей на Тайване является «новый тайваньский доллар», однако в быту его часто именуют так же, как и валюту КНР, – юань.

большими кусками. Когда им подали последнее блюдо, повар вытер руки и ретировался, оставив разделочную доску. Ивэнь охватило странное предчувствие, как если бы она точно знала, что подавится, но все равно хватала палочками здоровенный кусок имбиря и совала в рот. Быть того не может! Ивэй не вставал на колено, он незатейливо сказал: «Скорее выходи за меня!» Ивэнь признавались в любви бесчисленное количество раз, а вот предложение руки и сердца делали впервые, ну, если такой приказной тон можно считать «предложением». Она поправила волосы, словно этим жестом могла поправить и мысли. На свидания они ходили всего два с небольшим месяца, ну, если такие встречи, назначенные в приказном порядке, можно считать «свиданиями». Ивэнь ответила: «Господин Цянь, мне нужно подумать!» И тут Ивэнь обнаружила, что по собственной глупости только сейчас обратила внимание: в суши-баре, где столики обычно бронируют заранее, они весь вечер вдвоем. Ивэй медленно достал из сумки бархатный футляр. Внезапно голос Ивэнь приобрел доселе неслыханную громкость: «Нет, Ивэй, не открывай, иначе, когда я потом соглашусь, ты подумаешь, что меня заинтересовал этот футляр, а не ты сам!» Как только слова слетели с губ, она поняла, что ляпнула лишнее, и лицо ее приобрело оттенок креветки, которую повар только что жарил на доске с помощью мини-горелки. Ивэй улыбался и молчал. Уж коли ты согласишься потом... Уж коли ты обратилась ко мне по имени... Он убрал футляр. Лицо Ивэнь снова стало знакомым и уже больше не становилось чужим.

А в тот раз, когда он ждал ее после занятий во время тайфуна, сердцебиение Ивэнь напугало ее саму. Она вышла из ворот кампуса и увидела долговязую фигуру в свете фар черной машины, большой зонт на ветру бился в эпилептическом припадке, а фары сквозь пелену дождя протягивали свои щупальца, и внутри этих щупалец под дождем ликовала мошकारа. Руки света ощупывали ее и видели насквозь. Она подбежала к нему. Резиновые сапоги шлепали по лужам, поднимая волны. Ах, как неловко вышло. Не думала, что ты сегодня придешь, если бы я знала... у нас тут кампус просто заливают. Когда они сели в машину, она увидела, что его синие брюки промокли до икр, став цвета индиго, а кожаные ботинки из латте окрасились в американо. Разумеется, ей пришла на ум история о встрече на Синем мосту, в китайской традиции одна из трех известных историй о влюбленных: молодой человек ждал девушку, а та не пришла, и он так умер, обнявши балку моста. Она тут же сказала себе, что «сердцебиение» – ключевое слово. Вскоре они назначили день свадьбы.

После свадьбы Сюй Ивэнь переехала в многоэтажку, госпожа Цянь, ее свекровь, жила на верхнем этаже двухэтажной квартиры, а молодые поселились на нижнем. Итин и Сыци регулярно забегали к ней за книжками, у сестрицы Ивэнь было столько хороших книг! Как-то она присела на корточки и сказала им: «А сколько книжек я храню внутри...» Старая госпожа Цянь, смотревшая телевизор в гостиной, пробормотала, словно бы себе под нос: «Нутро нужно, чтобы рожать детей, а не чтоб книги там складировать». Телевизор так громко работал, непонятно, как она вообще слышала. Итин заметила, что у сестрицы Ивэнь потухли глаза.

Ивэнь часто читала им вслух. Когда Итин слушала, как Ивэнь читает иностранные книги в переводе, возникало чувство, будто она грызет свежий салат латук: каждое слово на один укус, ни листочка не упадет на пол. Постепенно до нее дошло, что это лишь повод и сестрица Ивэнь читает не им, а преимущественно себе, и она стала еще чаще забегать наверх. Девочки описывали их негласный уговор с Ивэнь одним предложением: «В компании с весной возвращаться домой»⁹. Они с Сыци были прекрасным, прочным и смелым холстом, скрывавшим сестрицу Ивэнь, но при этом и выставленным на всеобщее обозрение; они скрывали ее чаяния, но смиренность заставляла желания проступать отчетливее. Братец Ивэй возвращался с работы домой, сбрасывал с себя пиджак западного кроя, улыбался девочкам, мол, снова у вас

⁹ Строчка из стихотворения «Слышал, правительственные войска взяли Хэнань и Хэбэй» великого поэта Ду Фу (712–770 гг.), жившего во времена династии Тан. Весна в данном случае символизирует юность.

моя женушка в няньках. Рубашка под пиджаком и он сам под этой рубашкой пахли свежестью. Его глаза смотрели на тебя, словно обещали рай.

Они довольно долго читали тогда Достоевского. Сестрица Ивэнь решила знакомить их с произведениями в хронологическом порядке. Когда дошли до «Братьев Карамазовых», Ивэнь спросила, помнят ли девочки Раскольников из «Преступления и наказания» и князя Мышкина из «Идиота». И они, и Смердяков в «Братьях Карамазовых» страдали от эпилепсии, сам Достоевский тоже страдал от нее. Он считал, что наиболее близки к христианскому типу личности те, кто по каким-то причинам не смог влиться в общество, другими словами, настоящий человек – это человек вне социума. Вы же понимаете, что быть вне социума – не то же самое, что быть асоциальным? Когда Итин подросла, она все равно не понимала, зачем сестрица Ивэнь все это рассказывала маленьким девочкам, почему читала с ними Достоевского, тогда как их сверстники не открывали даже книги Девяти ножей¹⁰ и Нила У?¹¹ Может, это эффект компенсации? Ивэнь надеялась, что мы срастемся в том месте, где ее сначала согнули, а потом сломали?

В тот день сестрица Ивэнь пообщалась внизу с учителем Ли. Узнав, что они в последнее время читают Достоевского, учитель Ли сказал, что Харуки Мураками с гордостью заявлял: в мире не так уж много людей, кто на память может перечислить имена всех троих братьев Карамазовых, – и добавил, что в следующий раз при встрече проэкзаменует девочек. Дмитрий, Иван, Алексей. Итин подумала про себя: почему Сыци не перечисляет имена вместе с ней? Вернулся братец Ивэй. Сестрица Ивэнь посмотрела на дверь, словно бы могла увидеть лязг входного замка. Она бросила выразительный взгляд на бумажный пакет в руках мужа. Во взгляде был не только дождь прощения, но и свет вопросов. Потом она сказала: «Это мой самый любимый торт. Твоя мама велела мне поменьше есть сладкого». Братец Ивэй, глядя на жену, рассмеялся, при этом в омут его лица словно бросили камешек, и оно подернулось рябью. Он сказал: «Ну тогда девчонкам отдашь». Итин и Сыци очень обрадовались, но по наитию притворились равнодушными: нельзя же накидываться на еду, как дикие звери. «А мы только что читали Достоевского. Дмитрий, Иван, Алексей». Братец Ивэй улыбнулся еще шире: «Девочкам нельзя брать еду у незнакомых дяденек, так что придется мне самому съесть».

Ивэнь взяла у него пакет и сказала: «Не дразни их». Итин очень явственно увидела, что, когда сестрица Ивэнь дотронулась до руки братца Ивэя, на ее лице появилось на миг странное выражение. Она всегда по ошибке принимала это за застенчивость новобрачной, напускное равнодушие, как у них к еде, ведь говорят же, «потребность в еде и плотских утехах заложена природой»¹². Лишь позже она поняла, что это был маленький дикий зверек по имени Страх, которого Ивэй поселил в душе жены, и зверек бился об изгородь лица Ивэнь. Это был монтаж страданий. Впоследствии, поступив в старшую школу и уехав из дома, они узнали: Ивэй избил сестрицу Ивэнь так, что у той случился выкидыш. Мальчик, появления которого так ждала старая госпожа Цянь. Дмитрий, Иван, Алексей.

В тот день они сидели вместе и ели торт, даже дни рождения никогда не проходили так весело. Братец Ивэй говорил о своей работе, но когда речь пошла о рынке, то девочки решили, что имелся в виду продовольственный рынок, про рост котировок спросили: «На сколько сантиметром выросли?», а при упоминании человеческих ресурсов начали цитировать «Троесловие»¹³: «Люди появляются на свет с доброю природой». Им нравилось, когда с ними обращались как со взрослыми, но еще больше нравилось, когда взрослые на какое-то время впадали

¹⁰ Псевдоним тайваньского писателя и режиссера Гидденса Ко.

¹¹ Тайваньский режиссер и писатель.

¹² Слова принадлежат Мэн-цзы, китайскому философу, второму по значимости представителю конфуцианской традиции после самого Конфуция.

¹³ Созданная в форме классического канона краткая детская энциклопедия, с которой традиционно начинали обучение китайских детей.

в детство. Внезапно братец Ивэй сказал: «А Сыци и впрямь очень похожа на Ивэнь, ты только глянь». И правда похожа, выражение лица, фигура и облик в целом. При таких разговорах Итин чувствовала себя лишней, перед глазами были прекрасные лица, словно одна семья. Про себя она посчитала о том, что заткнет за пояс любую девчонку в мире, но никогда не узнает, что чувствует осознающая свою красоту девушка, идя по улице с опущенной головой и сведенными бровями.

Пришла пора поступать в старшую школу. Большая часть одноклассников предпочла остаться в Гаосюне. Мамы Лю Итин и Фан Сыци все обсудили и решили отправить девочек в Тайбэй: раз уж будут жить не дома, то хотя бы приглядят друг за дружкой. Девочки смотрели в гостиной телевизор, который после выпускных экзаменов казался им интереснее, чем прежде. Мама Итин сообщила, что, по словам учителя Ли, он полнедели проводит в Тайбэе, в случае чего можно к нему обращаться. Итин заметила, как подруга сильнее сгорбилась, словно слова матери тяжким грузом легли на плечи. Сыци одними губами спросила: «Ты хочешь поехать в Тайбэй?» Еще бы не хотеть, там ведь так много кинотеатров. На том и порешили. Осталось только определиться, станут они жить в тайбэйской квартире Лю или Фанов.

Багажа оказалось мало, в полосе света из окошка по их маленькой квартирке летали облачка пыли, а несколько картонных коробок стояли и, судя по виду, тосковали по родному городу даже сильнее девочек. Итин и Сыци вытаскивали один за другим комплекты нижнего белья, но больше всего было книг. Даже солнечный свет казался языком глухонемых. Остальные люди если и не понимали, то стеснялись признаться. Итин нарушила молчание, присев, чтобы разрезать картонную коробку: «Хорошо хоть, книжками можно сообща пользоваться, не то багаж получился бы в два раза тяжелее, а вот учебники нужны каждой свои». Фан Сыци была спокойна, словно воздух, и так же, как в случае с воздухом, только при ближайшем рассмотрении в лучах света можно было видеть, что внутри все дрожит и клокочет.

Почему ты плачешь? Итин, если я тебе скажу, что мы вместе с учителем Ли, ты рассердишься? Что?! Что слышала. В каком смысле «вместе»? В том самом. Когда это началось? Уже забыла. Наши мамы в курсе? Нет. И насколько далеко у вас все зашло? Все, что нужно, мы делали, и что не нужно тоже. Господи, Фан Сыци, а как же его жена, как же Сиси, ты что такое творишь? Ты мерзкая! Реально мерзкая! Отойди от меня. Сыци буравила Итин взглядом. Слезы из маленьких рисинок превратились в соевые бобы, а потом она вдруг упала на пол и разрыдалась, да так, будто обнажала душу. Господи, Фан Сыци, ты же отлично знаешь, насколько я боготворю учителя Ли. Зачем нужно было все у меня отнимать? Прости. Тебе не передо мной надо извиняться! Прости. Какая у нас с ним разница в возрасте? Тридцать семь. Господи, ты реально испорченная. Не хочу с тобой разговаривать.

Первый год в старшей школе Лю Итин провела из рук вон плохо. Фан Сыци часто не ночевала дома, а когда возвращалась, то без конца плакала. Каждый вечер Итин слышала, как за стеной Фан Сыци зарывается лицом в подушку и пронзительно кричит. Раньше они были идейными близнецами, но не в том смысле, что одна обожает Фицджеральда, а вторая ненавидит Хемингуэя, нет, у них были абсолютно одинаковые причины обожать Фицджеральда и ненавидеть Хемингуэя. Не было так, что одна цитировала наизусть текст, но потом запинаясь, и вторая подхватывала, нет, они вместе забывали один и тот же абзац. Иногда после обеда учитель Ли приезжал к их дому и забирал Фан Сыци, а Итин подглядывала через щелку в занавесках. Крыша такси в солнечном свете казалась маслянисто-желтой, солнце обжигало щеки. На голове у учителя Ли уже образовалась залысина, раньше Итин никогда ее не видела. Волосы Сыци были прямыми, словно дорога, как будто если будешь ехать по ней, то приедешь к самой вульгарной правде жизни. Каждый раз, когда Фан Сыци втягивала голени в салон машины и дверца с грохотом захлопывалась, у Итин возникало ощущение, будто ей вlepили пощечину.

Сколько вы намерены продолжать эти отношения? Не знаю. Ты же не думаешь, что он разведется? Нет. Ты же понимаешь, что это не может длиться вечно? Понимаю... Он... он сказал, что если я влюблюсь в другого, то, разумеется, мы расстанемся. Мне... мне очень больно. Я-то думала, ты честная девушка. Умоляю, не говори со мной так! Если я умру, ты будешь переживать? Собралась руки на себя наложить? А как ты это сделаешь? Если решишь с крыши сигануть, можно не прыгать с крыши моего дома?

Раньше они были идейными близнецами, моральными близнецами, духовными близнецами. Как-то раз сестрица Ивэнь рассказывала им о книгах и внезапно сказала, что завидует им, а девочки принялись наперебой возражать, что это они завидуют ей и братцу Ивэю. Ивэнь продолжила: любовь – не то же самое. Платон говорил, что люди разыскивают свою потерянную половинку, то есть, только соединяясь с другим человеком, становятся цельными, понимаете? А у вас неважно, если кому-то из двоих чего-то не хватает или, наоборот, чего-то слишком много, потому что рядом человек, который тебя отзеркаливает. «Только если никогда не сможешь слиться с человеком в единое целое, сможешь навеки составить ему компанию».

Был летний полдень. Фан Сыци уже три дня не появлялась на занятиях и не ночевала дома. Снаружи надрывались птицы и насекомые. Под огромным баньяновым деревом цикады вибрировали так, что у людей кожа старела, вот только не рассмотреть было, кто это так поет, словно бы пело само дерево. Ж-ж-ж-ж... ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж... ж-ж-ж-ж... ж-ж-ж-ж-ж-ж... Не сразу Лю Итин поняла, что это жужжит ее телефон. Учитель повернул голову: у кого телефон бьется в экстазе? Она под партой приподняла крышку телефона-раскладушки, увидела незнакомый номер и сбросила. Ж-ж-ж... ж-ж-ж-ж... Чтоб тебя. Опять сбросила. Телефон зазвонил снова. Учитель напустил на себя благопристойный вид. Мол, если что-то срочное, то ответь. Учитель, нет, ничего срочного. И тут телефон завибрировал снова. Ох, простите, учитель, можно я выйду?

Звонили из полицейского участка близ какого-то озера у гор Янмин. Когда такси ехало в гору, то сердце петляло по серпантину, а гора словно бы принимала форму новогодней елки. В детстве Итин с Сыци вставали на цыпочки, чтобы снять звезду, это был символический момент после празднования. Фан Сыци в горах? В полиции? Итин ощутила, как ее душа приподнимается на цыпочки. Когда вышла из такси, то к ней подошел полицейский и принялся расспрашивать. Вы Лю Итин? Да. Мы обнаружили вашу подругу в горах. Про себя Итин подумала, что слово «обнаружили» очень зловещее. Полицейский снова спросил: она всегда была такой? А что с ней? Полицейский участок занимал огромную комнату. Итин обвела ее взглядом, но Сыци не было, если только... если только... если только вон то не она. Длинные волосы Сыци спутались в паклю и закрывали половину лица, лицо шелушилось от солнечных ожогов, везде виднелись следы от комариных укусов, щеки втянуты, как у ребенка, сосущего материнскую грудь, на опухших губах запеклась кровь. Итин учуяла запах немытого тела, так пахли бездомные, когда они в детстве раздавали им суп с клецками. Боже. Зачем вы заковали ее в наручники? Полицейский с удивлением посмотрел на нее. «А разве непонятно, девушка?» Итин присела на корточки, приподняла спутанные волосы. Шея Сыци была искривлена так, словно сломана, глаза навывкате, из носа текли сопли и смешивались со слюнями. Фан Сыци загоготала, как безумная.

Диагноз, который поставил врач, Лю Итин не расслышала, но смысл был понятен: Фан Сыци сошла с ума. Ее мама сказала, что, разумеется, нельзя ее в таком состоянии оставлять в тайбэйской квартире, но нельзя и ждать выздоровления в Гаосюне, в их многоэтажке живет сразу несколько врачей. В Тайбэе ее не оставишь, поскольку в классе для одаренных детей у многих одноклассников родители медики. В итоге приняли компромиссное решение и отвезли ее в лечебницу в Тайчжуне. Итин рассматривала карту Тайваня. Их маленький островок сложился пополам. Гаосюн и Тайбэй были вершинами, а Тайчжун низиной, и туда рухнула Фан Сыци. Ее духовный близнец.

Лю Итин частенько посреди ночи вскакивала и, заливаясь слезами, ждала в темноте крика, приглушенного стеной. Мама Фан Сыци не стала забирать ее вещи. После окончания семестра Итин наконец открыла дверь в соседнюю комнату, погладила игрушечную розовую овечку, с которой спала Фан Сыци, потрогала письменные принадлежности, точно такие же, как у нее самой. Затем прикоснулась к школьной форме с вышитым ученическим номером. Ощущение было такое, как если ведешь рукой по исторической стене посреди бела дня и внезапно натыкаешься на засохшую жвачку или когда в ходе складного, жизненно важного выступления внезапно забываешь самое простецкое слово. Она понимала, что где-то ошиблась. С какого момента они теряли по сантиметру, а в итоге теперь их разделяет тысяча ли?¹⁴ Они с Сыци шли вровень, плечом к плечу, но где-то Сыци отклонилась.

Лю Итин обессиленно стояла посреди комнаты, которая выглядела точь-в-точь как ее собственная. Она поймала себя на мысли, что отныне, продолжая жить в этом мире, она навеки уподобится родителю, который потерял ребенка и теперь бродит по парку аттракционов. Она долго плакала, а потом вдруг заметила блокнот в розовой обложке, который лежал на письменном столе, и ручка рядом вежливо сняла колпачок. Это наверняка дневник. Вот уж не видела, чтоб Сыци писала таким неряшливым почерком, точно только для себя. От частого перелистывания дневник истрепался, и страницы тяжело было переворачивать. Фан Сыци делала комментарии к прошлым записям. Мелкий шрифт напоминал улыбающееся лицо толстого ребенка, а крупный – физиономию популярного телеведущего. Сам текст был написан синей ручкой, пометки – красной. Так, как она писала домашку. На одной из страниц за несколько дней до того, как Фан Сыци пропала и потом ее нашла полиция, была написана всего одна строка: «Сегодня снова дождь. Прогноз погоды врет». Но Итин искала не это, а тот момент, когда Сыци отклонилась, и попросту начала читать с самого начала. В результате то, что нужно, нашлось на первой же странице.

Синие иероглифы: «Надо писать и дальше. Тушь разбавляет мои чувства, а не то я сойду с ума. Я спустилась, чтобы отдать сочинение на проверку учителю Ли. Он вытащил... и прижал меня к шпаклевке на стене. Он сказал шесть слов: “Если нет, то можно в рот”. Я ответила пятью словами: “Не надо, я не умею”. Но он всунул. У меня возникло чувство, будто я тону. Когда я снова смогла говорить, то сказала учителю Ли: “Простите”. Было такое чувство, будто не смогла справиться с домашкой. Хотя это и не моя домашка. Учитель спросил, буду ли я приносить сочинения раз в неделю. Я вскинула голову. Мне почудилось, будто я могу видеть потолок насквозь, могу видеть маму, которая висит на телефоне и мелет всякую ерунду, но в перемолотом полно моих почетных грамот. А еще я знала: когда не понимаешь, как ответить на вопрос взрослого, лучше всего сказать “хорошо”. Я тогда через плечо учителя смотрела, как потолок опускается и поднимается, будто плачущее море, и в тот миг словно бы истрепала свое детское платье. Он сказал: “Это способ выразить мою любовь к тебе, понимаешь?” Я подумала про себя, что он ошибся. Я же не из тех девочек, которые по ошибке принимают член за леденец. Мы все боготворим учителя. Мы говорим, что когда вырастем, то будем искать мужа, похожего на него. Мы развиваем эту шутку, мол, надеемся, что учитель и станет нашим мужем. Я думала несколько дней и придумала единственное решение. Нельзя, чтобы учитель мне просто нравился. Нужно влюбиться в него. Любимый человек может сделать все, что ему заблагорассудится, разве не так? Мышление – великая сила. Я – подделка старой себя. Мне нужно полюбить учителя, иначе будет слишком больно».

Красные иероглифы: «Почему не получилось? Уж не потому ли, что я не хотела? Или ты не позволил? Только сейчас я поняла, что весь тот инцидент можно свести к первому акту: он загнал свою твердость внутрь, а я еще и извинялась за это».

¹⁴ Китайская мера длины, равная 0,5 км.

Итин читала дневник так, как дети едят печенье: набиваешь рот, кусочек за кусочком, но как ни старайся, а все равно на полу печенья всегда остается больше, чем во рту. Наконец она поняла прочитанное. Все поры на ее теле задыхались, сквозь пелену слез она озиралась по сторонам, казалось, что вокруг очень шумно, и только потом она поняла, что громко плачет и этот звук напоминает карканье ворон. Ее рыдания, словно крики подстреленной охотниками птицы, обволакивая тело, падали камнем. Хотя никто ведь не охотится на ворон. Почему ты мне не сказала? Она уставилась на дату. Осенний день пять лет назад. В том году дочь тетушки Чжан наконец вышла замуж, сестрица Ивэнь не так давно переехала в их дом, братец Ивэй только-только начал бить ее. В этом году они оканчивали старшую школу. А тогда им было почти по тринадцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.